

Церковнославянское
языковое наследие как
источник чешского
библейского стиля в
эпоху национального
возрождения
(Уникальный
опыт Франтишека
Новотного из Лужи)*

Йозеф Бартоň

Карлов Университет
Прага, Чехия

Church Slavonic
Elements as a
Source of the Czech
Biblical Style in the
Period of the Czech
National Revival
(Unique Attempt of
František Novotný
from Luže)

Josef Bartoň

Univerzita Karlova
Praha, Česká republika

Резюме

В статье исследуется язык одного забытого чешского библейского перевода начала XIX в.: Четвероевангелия католического священника Франтишека Новотного из Лужи (1768–1826) — в наши дни уже малоизвестного современника и сподвижника великих фигур чешского народного возрождения Йозефа

---

* Статья написана в рамках исследовательского проекта Карлова университета в Праге PROGRES Q01 как расширенный вариант доклада, прочитанного 14 июня 2018 г. на кафедре библистики филологического факультета СПбГУ.

Цитирование: *Бартоň Й.* Церковнославянское языковое наследие как источник чешского библейского стиля в эпоху национального возрождения (Уникальный опыт Франтишека Новотного из Лужи) // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 179–198.

Citation: *Bartoň J.* (2018) Church-Slavonic Elements as a Source of the Czech Biblical Style in the Period of the Czech National Revival (Unique Attempt of František Novotný from Luže). *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 179–198.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.7

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

Добровского и Йозефа Юнгманна. Новотный был знатоком латыни, греческого, церковнославянского, древнечешского и нового чешского языка (кроме прочего, он был также автором одной из первых грамматик чешского, изданных на чешском). Его Четвероевангелие на чешском языке, труд, опубликованный в 1810–1811 гг., принадлежит к переводам так называемого «учебного типа»: автор работает с латинским и греческим исходным текстом и старается максимально копировать структуру обоих источников. Продолжая традицию чешских переводов Библии (которая на рубеже XVIII–XIX вв. была представлена главным образом переводами Франтишека Фаустина Прохázky, происходивших по большей части из переводов барочной католической Святовацлавской библии и Кралицкой библии чешских братьев), перевод Новотного имеет ряд специфических черт. Автор статьи рассматривает явление, которое в результате многолетнего изучения текста Новотного представляется его главной и наиболее примечательной чертой, а именно — заметное влияние на него церковнославянского библейского текста. Этот феномен для начального периода чешского национального возрождения является совершенно уникальным. Сопоставляя текст Новотного с предшествующей библейской переводческой традицией, автор выявляет в нем целый ряд инноваций, прежде всего на уровне синтаксиса и лексики, но также словообразования и морфологии, наиболее вероятным источником которых могла служить церковнославянская Библия. Наиболее интересным новшеством Новотного является употребление причастий прошедшего времени на *-(v)ší*, так как эта категория была внедрена в литературный чешский язык именно в период национального возрождения. Важно отметить, что церковнославянский в данном случае был, по-видимому, единственным инославянским источником, к которому прибегал Новотный с целью обогатить и «освежить» чешский библейский стиль.

Ключевые слова

Франтишек Новотный из Лужи, чешское национальное возрождение, чешские библейские переводы, чешский библейский стиль, церковнославянский язык

Abstract

The article deals with linguistic aspects of a Czech Biblical text originating in the period of the beginning of the Czech National Revival which has until recently been entirely forgotten. The text is a Tetraevangelion written by a Catholic priest František Novotný from Luže (1768–1826), an almost forgotten contemporary and collaborator of the great representatives of the Czech National Revival Josef Dobrovský and Josef Jungmann. Novotný was an expert on Latin, Greek, Church Slavonic and old and new Czech (he was also the author of the early grammar of Czech that was published in Czech). His four Gospels in Czech, published in 1810–1811, belong to the “learning type” translations. It continues the Czech Biblical translation tradition (at the turn of the 19th century represented primarily by the translation of the New Testament and of the entire Bible by František Faustin Procházka, which followed mainly the baroque Catholic St Wenceslas Bible and the Kralice Bible of the Moravian brethren), but has many specific features. The article focuses on the phenomenon that manifested itself (during the author's research of Novotný's text lasting several years) as its

main and most interesting trait, namely, a strong influence of the Church Slavonic Biblical text, which is an absolutely rare phenomenon at the beginning of the Czech National Revival. The author, confronting the previous Biblical translation tradition with Novotný's, reveals a number of innovations that were materialised in Novotný's translation and whose origin in the Church Slavonic Bible is certain or at least very probable. The innovations concern various levels of linguistic description, mainly syntax and lexicon, but also word formation and morphology. The most interesting of Novotný's novelties is his usage of the adjectival past participle ending with *-(v)ší*, since this category was introduced into literary Czech in the period of the Czech Revival. It is also important that Church Slavonic is, with high probability, the only source of the enrichment and "refreshment" of the Czech Biblical style that is written in another Slavonic language (Novotný seems not to use any living Slavonic languages).

Keywords

František Novotný from Luže, Czech National Revival, Czech Biblical translation, Czech Biblical style, Church Slavonic

1. Введение

Данной статьей я хотел бы внести скромный вклад в исследование чешского библейского языка в эпоху национального возрождения Чехии. Эта проблематика поныне представляет собой «непечатый край» в славянском языкознании и библеистике. В центре нашего внимания будут некоторые специальные вопросы, связанные с одним чешским переводом Евангелия, возникшим в самом начале эпохи национального возрождения.

1.1. Рекодификация чешского языка

Известно, что литературный чешский язык после интенсивного развития в Средневековье (с конца XIII и далее в XIV–XV вв.) и расцвета в XVI в. постепенно пришел в упадок: статус государственного языка и вообще престижного языкового кода получил немецкий язык. В эпоху Просвещения чешский уже не мог адекватно выполнять большинство функций, которые призван обслуживать полноценный литературный язык.

Первая фаза чешского национального возрождения в конце XVIII – начале XIX в. представляла собой ключевой момент для начала процесса восстановления литературного чешского языка. Целью этого процесса было поэтапное и по возможности быстрое утверждение чешского языка и укрепление его позиций во всех областях жизни тогдашнего общества. В целом можно констатировать, что основным источником и образцом для рекодификации литературного чешского языка в ходе этого

процесса был язык Кралицкой Библии, переведенной представителями Общины чешских братьев в конце XVI в., а также различных сочинений, издававшихся в так называемую Велеславинскую эпоху (т. е. в течение примерно полувека в интервале между 1570 и 1620 г.). Для восполнения своей функциональной недостаточности чешский язык обогащался на лексическом и фразеологическом уровнях путем освоения тех или иных элементов из родственных живых славянских языков. Основными источниками заимствования были польский и русский языки, на которых имелась разнообразная, отвечающая потребностям времени литература и которые были способны обслуживать все коммуникативные сферы, в том числе научную, публицистическую, политическую и т. д. [ср.: Grepl 1974; Лилич 1973; Лилич 2016]. В этой связи уместно упомянуть известное увлечение выдающегося представителя эпохи чешского национального возрождения Йозефа Юнгманна польским и русским языками или личную переписку Йозефа Добровского и Йозефа Юнгманна со знаменитым польским лексикографом Самуэлем Богумилом Линде. Заслуживает внимания то, что чешские переводчики эпохи национального возрождения, переводя неславянскую литературу, часто пользовались уже существующими русскими и польскими переводами. Кроме того, переводчики оттачивали возможности развивающегося чешского языка на переводах произведений русских и польских классиков. В целях обогащения чешского литературного языка деятели национального возрождения обращались и к другим славянским языкам (в частности, довольно активно использовался «иллирийский» язык сербов и хорватов), а также к диалектам чешского и к его более ранним состояниям (в том числе к наследию старочешского, как принято называть язык текстов приблизительно до конца XV в.).

Сказанное выше относится к развитию отдельных жанров художественной литературы и публицистики на чешском языке, к разработке терминологии для различных научных дисциплин. Эта деятельность представителей чешского национального возрождения на сегодняшний день уже достаточно подробно изучена. Однако внимание исследователей до сих пор не привлекал вопрос об отношении чешского возрождения (и последующего периода вплоть до конца XIX в.) к чешскому библейскому языку. Иными словами, вопрос о том, как обстояло дело с языком и вообще с текстами чешских Библий этого периода.

1.2. Чешская библия в эпоху национального возрождения

В данной статье нас будет интересовать самое начало чешского национального возрождения. Какие Библии читали чехи в конце XVIII – начале XIX в.? Некатолические религиозные общины после 1627 г. находи-

лись вне закона; только в 1781 г. их статус был легализирован благодаря «Патенту о веротерпимости» Иосифа II. В их среде употреблялась Кралицкая Библия чешских братьев в различных изданиях, привозимых из Германии и Венгерского королевства. Чешские католики получили последовательно несколько Библий. В 1778 г. вышел Новый Завет, а в 1780 г. — полная, так называемая Императорская Библия (названная так в честь императрицы Марии-Терезии). В сущности, это был текст более ранней барочной Библии св. Вацлава, изданной в трех томах в 1677, 1712 и 1715 гг., с умеренной правкой монаха из ордена пауланов (минимов) Вацлава Фортуната Дуриха (1735–1802) и его ученика Франтишека Фаустина Прохазки (1749–1809), которые в значительной мере использовали Кралицкую Библию. Прохазка затем издал собственную переработку Нового Завета (1786), а впоследствии и новую версию полной Библии (1804). Он интенсивно работал с греческим и еврейским оригиналами и опять-таки обращался к чешской Кралицкой Библии. Переводы Прохазки дали начало «ведущей линии» чешских католических Библий XIX в., завершением которой стала так называемая Библия св. Иоанна, изданная в двух томах в 1888 и 1889 гг. Позже, с начала XX в., наступает уже новая, современная эпоха чешского библейского перевода, которой присущи свои специфические характеристики [ср.: Bartoň 2010].

1.3. Франтишек Новотный из Лужи и его перевод Евангелия

На рубеже XVIII–XIX вв., кроме переводов Прохазки, появился также Новый Завет библеиста из Оломоуца Франтишека Поллашека (1792). По замыслу его создателя, он был предназначен «для широкой общности», в связи с чем язык этого перевода — более свободный, более разговорный, причем текст содержит множество разъясняющих комментариев. Полной его противоположностью был несколько более поздний перевод Евангелия, выполненный чешским священником Франтишеком Новотным из Лужи. Данный перевод является предельно буквальным. В качестве греческого источника послужило современное автору критическое издание Нового Завета Иоганна Иакова Грисбаха (1777). Перевод выявляет расхождения между текстом Вульгаты и греческим оригиналом, в примечаниях автор подчас предлагает альтернативные переводческие решения (в том числе некоторые чешские синонимы) и т. д. Речь идет о переводе, выражаясь современным языком, «учебного типа». Франтишек Новотный (1768–1826) был католическим приходским священником родом из городка Лужи близ Хрудима в Восточной Чехии, большую часть своей жизни служившим в г. Млада Болеслав и в других населенных пунктах Центральной Чехии. В 1810 г. он издал

Евангелие от Матфея (с титульным листом и годом издания); остальные три Евангелия, вероятно, появились годом позже (в них отсутствует титульный лист и не указан год). Все четыре Евангелия обычно переплетались в один том. Франтишек Новотный из Лужи принимал деятельное участие в движении национального возрождения, поддерживал тесные контакты с выдающимися личностями своего времени (в частности, с Йозефом Добровским и Йозефом Юнгманном). Он интересовался историей чешской культуры и чешским языком, как старочешским, так и современным; ему принадлежит ранняя чешская грамматика (1818 г.), написанная и опубликованная на чешском языке. Занимался он также историей чешской Библии, посвятив данной проблематике первый обстоятельный труд о чешских библейских переводах, написанный по-чешски [Novotný 1810].

Настоящая статья основана на изучении неизвестного до недавнего времени перевода Четвероевангелия, изданного Франтишеком Новотным из Лужи. В силу неблагоприятного стечения обстоятельств это издание, по-видимому, уже с последних десятилетий XIX в. было забыто, в том числе и составителями библиографий. В библиографических обзорах, как и в исследованиях, посвященных чешским Библиям, упоминалось лишь Евангелие от Матфея — единственное, у которого имелся титульный лист¹.

Самому тексту данного перевода Четвероевангелия внимание до сих пор не уделялось. Возможно, это объясняется тем, что известно было только Евангелие от Матфея, которое ввиду его небольшого объема представлялось не слишком значительным, а в конечном итоге еще и тем, что католические переводы Библии XIX в. поныне остаются на периферии интереса исследователей — как филологов, так и богословов. Тот факт, что Ф. Новотный составил и издал полное Четвероевангелие, я выяснил совершенно случайно около пяти лет назад, обнаружив том с ним в хранилище старого фонда библиотеки Католического богословского факультета Карлова университета в Праге. В общих чертах этот

¹ Например, в книге Я. Ежека в главе, посвященной чешским библейским переводам, упомянут только изданный Новотным перевод Евангелия от Матфея [Ježek 1880: 153]. Это, несомненно, означает, что Ежек не знал о существовании полного Четвероевангелия. В позднейшей статье Й. Врштилы, на протяжении десятков лет остававшейся наиболее подробным обзором чешских библейских переводов XIX в., напрямую ошибочно указано, что Новотный осуществил попытку перевода Нового Завета, «но не пошел дальше первой тетради (Евангелия св. Матфея)» [Vršítil 1926: 338]. В единственной изданной биографии Ф. Новотного также упоминается единственно Евангелие от Матфея [Jeříšek 1936: 29]. Сведений о существовании полного Четвероевангелия нет и в современной библиографической базе данных Souborný katalog České republiky (Единый каталог Чешской Республики), где лишь воспроизводятся данные с титульного листа Евангелия от Матфея.

перевод был охарактеризован мною в [Bartoň 2014].

Одному примечательному явлению, присутствующему в Четвероевангелии Новотного, а именно причастиям прошедшего времени на *-(v)ší* типа *přišedší* ‘пришедший’, *poslavší* ‘пославший’², я позже посвятил доклад на большой конференции о славянских библейских переводах, состоявшейся в 2015 г. в Праге. На основе доклада мною было опубликовано более обширное исследование [Bartoň 2016].

Уже в этих двух публикациях я обратил внимание на то, что Новотный, работая над переводом, несомненно держал в руках церковнославянскую Библию³, и привел некоторые примеры проникновения отдельных ее элементов в возникший чешский текст. Бесспорное церковнославянское влияние на текст Новотного я впоследствии подтвердил рассмотрением прежде всего новой для чешского языка того времени категории причастий на *-(v)ší*.

В ближайшее время мы с сотрудником философского факультета Карлова университета Р. Диттманном планируем научную публикацию изданного Новотным Евангелия св. Иоанна с сопроводительной статьей, а в дальнейшем, по возможности, и остальных трех Евангелий. В процессе уже начатой мною подготовки будущего издания я постепенно пришел к выводу, что церковнославянский отпечаток у Новотного действительно весьма ощутим и касается целого ряда языковых явлений. Эти церковнославянские элементы я хотел бы рассмотреть более подробно в настоящей статье. По существу речь идет о совершенно исключительном явлении в контексте чешского возрождения.

2. Церковнославянский перевод и текст Ф. Новотного из Лужи
Излагаемые ниже выводы не основываются на систематическом и исчерпывающем анализе (я не проводил сквозного сравнения текстов Евангелия Новотного и Евангелия в редакции Прохазки). Тем не менее я пришел к ним в результате довольно тщательного изучения текста Новотного в процессе подготовки его Четвероевангелия к научному изданию. Полагаю, что эти наблюдения отражают основные моменты, свидетельствующие о церковнославянском влиянии на его перевод.

Приводя примеры, я даю вначале вариант Ф. Новотного из Лужи [Novotný 1810/1811], а далее — соответствующий церковнославянский текст

---

² Фактически этот тип причастий до периода чешского национального возрождения вообще не существовал в чешском литературном языке.

³ Новотный сопроводил перевод Евангелия довольно обширной статьей, в которой он писал об отношении его текста к латинскому и греческому, о характере вводимых им комментариев и т. д., умалчивая, однако, об использовании им церковнославянского перевода [Novotný 1810/1811: I–VI].

(далее в статье я привожу чтение из первой редакции Елизаветинской Библии [Елизаветинская Библия 1751]). Затем следует более поздняя версия Прохазки ([Procházka 1804], сокращенно Р 1804), и его же ранняя версия ([Idem 1786], сокращенно Р 1786), так как Новотный, по всей вероятности, работал с обеими этими версиями [ср.: Bartoň 2014: 190]⁴. В ряде случаев я привожу также греческий текст (в редакции Грисбаха 1777 г., которую использовал Новотный [Griesbach 1777]); кроме того, иногда дается текст латинской Вульгаты (в издании Немецкого библейского общества [Vulgata 1983]).

По моему мнению, можно с уверенностью (или с большой долей вероятности) говорить о влиянии церковнославянского перевода на текст Ф. Новотного, отражающемся в нижеследующих явлениях⁵.

2.1. Употребление падежей

В сравнении с «традиционными текстами» заслуживает внимания расширение функций некоторых падежей, конкретно творительного и родительного.

2.1.1. Творительный падеж

А. В некоторых случаях у Новотного находим примечательное употребление творительного падежа со значением деятеля (вместо традиционной конструкции с предлогом *skrze* ‘через’ — в греческом тексте *διὰ*, в латинском *per*):

Jn 1:17 *zákon Mojžšem dán byl, milost a pravda Ježíšem Krystem stala se* — **законъ Мωѣсѣомъ данъ бысть, блгодать же ѿ истина Іисъ Хрѣтомъ бысть** — Р 1804 = Р 1786 *skrze* [. . .] *skrze*

Jn 14:6 *Žádný nepřijde k Otcí, nežli mnou* — **тѣмъ мнѣю** — Р 1804 = Р 1786 *než skrze mne*

В. Встречается также творительный падеж со значением отношения или ограничения (вместо традиционной конструкции с предлогом *v* ‘в’ — в греческом тексте беспредложный дательный или конструкция с *ἐν*, в латинском аблатив или конструкция с *in*):

Lk 1:80 *Dítě pak rostlo, a posilovalo se duchem* — **Ѡтрочá же расташе ѿ крѣплашесѧ Дхѣомъ** — Р 1804 *Dítě pak rostlo a posilovalo se v duchu* — Р 1786 *Dítě pak rostlo a posilovalo se v duchu* — греч. πνεύματι — Vg. *spiritu*

⁴ Как уже было упомянуто выше, чешский текст Прохазки претерпел эволюцию, особенностью которой было увеличение частоты использования переводческих решений, заимствованных из протестантской Кралицкой Библии конца XVI в., вместо унаследованных от барочной католической Библии св. Вацлава.

⁵ При этом я не исключаю, что в будущем могут выявиться еще какие-либо иные элементы его текста, имеющие под собой церковнославянскую основу.

Lk 10:21 *rozveselil se duchem svatým Ježíš* — *возрадовался дѣхомъ ѿисъ* — P 1804 *rozveselil se v Duchu svatém (v svém srdci, srdečně)* — P 1786 *rozveselil se v Duchu svatém* — греч. ...πνεύματι — Vg. ...*spiritu*

Jn 4:23 *praví klanitelé klaněti se budou Otci duchem a pravdou* — *истиннии поклѣнницы поклѣнатса ѡцѣ дѣхомъ ѿ истинною* — P 1804 *praví ctitelé (neb modlitebníci) klaněti se budou Otci v duchu a v pravdě* — P 1786 *praví ctitelé klaněti se budou Otci v duchu a v pravdě* — греч. ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ — Vg. *in spiritu et veritate*

2.1.2. Родительный падеж

A. В тексте встречается много примеров родительного падежа в сравнительной конструкции:

Jn 15:20 *Neníť služebník větší Pána svého.* — *нѣсть рабъ болѣй Гда своего* — P 1804 *Neníť služebník větší, nežli Pán jeho (nemá míti žádné přednosti před ním).* — P 1786 *Neníť služebník větší, nežli Pán jeho.*

B. Нередко также (чаще, чем в переводах Прохазки) выступает родительный падеж отрицания:

Jn 21:3 *a té noci nejali ničehož* — *ѿ въ тѣ ноць не ѿша ничесѡже* — P 1804 = P 1786 *a té noci nic nepopadli*

Lk 19:22 *bera, čehož jsem nepoložil* — *взѣмлю, ѣгѡже не положихъ* — P 1804 = P 1786 *bera což jsem nepoložil*

2.2. Причастные и деепричастные обороты

Употребление причастий и деепричастий демонстрирует значительные расхождения с текстами «ведущей линии» чешских библейских переводов XIX в. Различные причастные и деепричастные конструкции заметно распространяются в количественном отношении, заменяя прежние с личной формой глагола.

2.2.1. Прежде всего следует отметить более частое использование деепричастий прошедшего времени вместо личных форм глагола или деепричастий настоящего времени:

Jn 11:17 *Přišel tedy Ježíš nalezl ho* — *Пришѣдъ же ѿисъ, ѡбрѣте ѣгѡ* — P 1804 *Tedy přišel Ježíš; i nalezl ho* — P 1786 *Protož přišel Ježíš; a nalezl ho* — греч. Ἐλθὼν οὖν ὁ Ἰησοῦς εὗρεν αὐτόν — Vg. *venit itaque Iesus et invenit eum*

Lk 4:39 *stáv nad ní* — *ѿ стáвъ надъ нѣю* — P 1804 = P 1786 *A stoje nad ní* — греч. Καὶ ἐπιστάς ἐπάνω αὐτῆς — Vg. *et stans super illam*

Lk 7:38 *stávš s zadu* — *ѿ стáвши... создаи* — P 1804 *A stojíc z zadu* — P 1786 *A stojeci z zadu* — греч. Καὶ στᾷσα ὀπίσω — Vg. *et stans retro*

2.2.2. В ряде случаев выступает деепричастие настоящего времени (или краткая форма действительного причастия) в составе сложной глагольной формы:

Mk 13:25 *A hvězdy nebeské budou spadajíce* — *И звѣзды вѣдуть* [. . .] *спадajúще* — P 1804 = P 1786 *A hvězdy nebeské budou padati* — греч. *Καὶ οἱ ἀστέρες τοῦ οὐρανοῦ ἔσονται ἐκπίπτοντες* — Vg. *et erunt stellae caeli decedentes*

Jn 3:23 *Byl pak i Jan křtěl v Enoně* — *Бѣ же Іωάννης крестѣ во Ѡνώνѣ* — P 1804 *A Jan také křtil v Enon* — P 1786 *Jan pak také křtil v Enon* — греч. *ἦν δὲ καὶ Ἰωάννης βαπτίζων ἐν Αἰνῶν* — Vg. *Erat autem et Iohannes baptizans in Aenon*

2.2.3. Иногда встречается деепричастие после фазовых глаголов:

Mt 11:1 *když dokonal Ježíš přikazuje dvanácti učedníkům svým* — *Ѡгда соверши Іисъ заповѣдам Ѡбѣманáдесате Ѡученикѡма своѡма* — P 1804 *když dokonal Ježíš řeči své kteréž mluvil, přikázání (neb naučení) dáváje dvanácti učedníkům svým* — P 1786 *když dokonal Ježíš (řeči své, kteréž mluvil), přikázání dáváje dvanácti učedníkům svým* — греч. *ὅτε ἐτέλεσεν... διατάσσω*

Jn 8:7 *Když pak přilehali otázejíce se ho* — *Икоже прилѣжэх вопрошajúще Ѡгд* — P 1804 *A když se nepřestávali otazovati ho* — P 1786 *Když tehdy nepřestávali otazovati se ho* — греч. *Ὡς δὲ ἐπέμενον ἐρωτῶντες αὐτὸν*

2.2.4. Изредка можно наблюдать деепричастие в роли атрибута:

Mt 11:14 *onť jest Eliáš maje přijíti* — *тѡй ѣсть Ілѡѡ хотѡй прѡити* — P 1804 *onť jest druhý Eliáš, kterýž přijíti má* — P 1786 *onť jest Eliáš, kterýž přijíti má* — греч. *αὐτός ἐστιν Ἰηλίας ὁ μέλλων ἔρχεσθαι* — Vg. *ipse est Helias qui venturus est*

2.2.5. Наиболее интересным новшеством Новотного является употребление причастий прошедшего времени на *-(v)šĭ*.⁷ Эта категория была внедрена в литературный чешский язык именно в период возрождения. Самым ранним свидетельством ее появления считаются шесть случаев употребления таких причастий в переводе «Потерянного рая» Мильтона, созданном Йозефом Юнгманном в 1800–1804 гг.; при этом известно, что Юнгманн обращался к уже существовавшему на тот момент русско-му переводу В. П. Петрова, вышедшему в 1777 г. [Лилич 1962]. Ф. Новотный создал свой перевод Евангелия в тот же период (до 1805 г.⁸) — и в

⁶ Использование краткой формы *maje* здесь примечательно: в Елизаветинской Библии в этом случае употребляется полная форма, а в греческом — артикль (*ὁ μέλλων*).

⁷ Проблему употребления причастий прошедшего времени на *-(v)šĭ* у Новотного здесь представляю лишь в общих чертах. Подробнее я рассмотрел ее в упомянутой выше статье [Vartoň 2016].

⁸ Уже в 1805 г. рукопись Новотного была одобрена цензурой (см. обстоятельную статью самого Новотного о переводе [Novotný 1810/1811: I–II]). Теоретически это могла быть лишь первая тетрадь с Евангелием от Матфея, но скорее всего речь шла уже о полном Четвероевангелии.

нем встречаются 54 примера употребления причастий на *-(v)ší* в различных функциях. Источником влияния здесь, несомненно, был не живой русский, а церковнославянский язык. Любопытно, что Четверо-евангелие Новотного позволяет наблюдать нарастающую тенденцию использования таких причастий: в Евангелии от Матфея находим всего три примера, в Евангелии от Марка — шесть, от Луки — шестнадцать, от Иоанна — двадцать девять. По-видимому, это означает, что Новотный вначале «опробовал» новую категорию, постепенно становясь увереннее в ее употреблении. Примеры:

Jn 13:16 *Není [...] ani posel větši poslavšího jej* — *нѣсть [...] ни послáнникъ вѣлѣи послáвшаго ѣго* — P 1804 *Není [...] ani posel větši, nežli ten, kdož jej poslal* — P 1786 *Není [...] ani posel větši jest, nežli ten, kdož jej poslal* — греч. οὐδὲ ἀπόστολος μείζων τοῦ πέμφαντος αὐτόν

Mk 16:10 *Ona šedši zvěstovala bývavším s ním* — *возвестѣ съ нѣмъ бѣвшымъ* — P 1804 = 1786 *zvěstovala těm, kteříž s ním bývali* — греч. ἀπήγγειλεν τοῖς μετ' αὐτοῦ γενόμενοις

2.2.6. К примерам с причастием прошедшего времени на *-(v)ší* добавляется еще пять случаев употребления их специфических кратких форм, оканчивающихся на *-(v)ší* (в трех случаях это форма именительного падежа множественного числа женского рода, в двух других — винительного падежа единственного числа среднего и женского рода)⁹. Ввиду того, что этих форм нет в Евангелии от Иоанна, можно предположить, что в предшествующих Евангелиях они остались просто по недосмотру переводчика, как следы первоначального поиска адекватного облика новой грамматической формы. Пример:

Mk 5:30 *Ježíš poznáv sám v sobě moc vyšedši z něho... řekl* — *ѣсъ развѣ въ себѣ силу ѣшэдшю ѿ негѣ, ѣ... глáше* — P 1804 *Ježíš poznáv sám v sobě moc, kteráž (poznáv sám v sobě že moc) vyšla z něho [...] řekl* — P 1786 *Ježíš poznáv sám v sobě moc, kteráž vyšla z něho... řekl* — греч. ὁ Ἰησοῦς ἐπιγνοὺς ἐν ἑαυτῷ τὴν ἐξ αὐτοῦ δύναμιν ἐξελθοῦσαν [...] ἔλεγεν — Vg. *Iesus cognoscens in semet ipso virtutem quae exierat de eo [...] aiebat*

2.2.7. Немаловажным является также довольно частое использование причастий настоящего времени на *-cí* (типа *kuřující*, 'покупающий'). Спектр их функций весьма разнообразен.

A. Нередко встречаются субстантивированные причастия:

Jn 4:36 *aby se i sející spolu radoval i žnoucí* — *да ѣ сѣлѣи вкѣпѣ радуетса ѣ жнѣи* — P 1804 = P 1786 *aby i ten, kdož rozsívá, spolu se radoval, i kdo žne*

⁹ Эти формы я также проанализировал в статье [Bartoň 2016: 422–426].

В. Также часто выступает причастие в функции атрибута:

Lk 12:28 *trávu na poli dnes jsoucí, a zejtra do peci vmetanou* — **травѣ на селѣхъ днѣсь сѣщѣ, ѿ ѿтѣрѣ въ пѣщѣ вмѣщѣмѣ** — P 1804 = P 1786 *trávu, kteráž dnes na poli jest, a zítra do peci uvržena bývá*

С. Помимо того, отмечаются причастия в функции предикативного определения объекта при глаголах чувственного восприятия:

Mt 15:31 *vidouce němé mluvící, mrzáky uzdravené, chromé chodící, slepé vidící* — **вѣдѣщымъ нѣмымъ глагѣлющымъ, вѣденымъ здравымъ, хромымъ ходѣщымъ, ѿ слѣпымъ вѣдѣщымъ** — P 1804 *vidouce, ano ti kteříž byli němí mluví, kulhaví chodí, slepí vidí* — P 1786 *vidouce, ano (ti, kteříž byli) němí mluví, kulhaví chodí, slepí vidí*

Д. Крайне редко встречается причастие в конструкции, имитирующей *dativus absolutus*:

Mk 9:8 *Sstupující pak s hory zapřikázal jim, aby...* — **сходѣщымъ же ѿмъ съ горы, запрети ѿмъ, да...** — P 1804 *A když sstupovali s hůry, přikázal jim, aby...* — P 1786 *A když sstupovali s hory, přikázal jim, aby...* — греч. Καταβαίνόντων δὲ αὐτῶν ἀπὸ τοῦ ὄρους, διεστείλατο αὐτοῖς ἴνα... — Vg. *et descendentibus illis de monte pracepit illis ne...*

2.3. Прочие именные конструкции

Уже в силу вышеупомянутой высокой частотности причастных форм Четвероевангелие Новотного с первого же взгляда производит впечатление текста «именного» характера. Этому способствует и частое употребление отглагольных существительных, а также конструкций с инфинитивом (или, нередко, супином¹⁰), в отличие от «традиционных» чтений с личной формой глагола.

2.3.1. Отглагольные существительные:

Mk 6:48 *I viděl je těžce pracující v plavení* — **ѿ видѣ ѿ хъ страждѣщихъ въ плáваніи** — P 1804 *A viděl je, a oni se s těžkostí plavili* — P 1786 *A viděv je, že se s těžkostí plavili* — греч. Καὶ εἶδεν αὐτοὺς βασανιζομένους ἐν τῷ ἐλαύνειν — Vg. *et videns eos laborantes in remigando*

Mt 26:32 *Po vzkříšení pak mám* — **По воскресѣніи же моѣмъ** — P 1804 = P 1786 *Ale když z mrtvých vstanu* — греч. Μετὰ δὲ τὸ ἐγερθῆναί με — Vg. *postquam autem resurrexero*

2.3.2. Инфинитив/супин:

Mk 7:37 *I hluché učinil slyšeti, i němé mluvíti* — **ѿ глухѣмъ творитъ слышати, ѿ нѣмымъ глагѣлати** — P 1804 *hluchým rozkázal (velí neb rozkazuje) slyšeti,*

¹⁰ Конструкция с супином здесь копирует церковнославянскую с инфинитивом. Сама форма супина у Новотного не отражает влияния церковнославянской Библии, если исходить из наиболее вероятного предположения, что он обращался к Елизаветинской Библии, в которой супин отсутствует.

a němým mluvíti — P 1786 i hluchým rozkázal slyšeti, i němým mluvíti — греч. καὶ τοὺς κωφοὺς ποιεῖ ἀκούειν, καὶ τοὺς ἀλάλους λαλεῖν — Vg. *et surdos facit audire et mutos loqui*

Mt 12:42 *přišla* [...] *slyšet* — прійде [...] слышати — P 1804 = P 1786 *přijela* [...] *aby slyšela*

2.4. Страдательный залог

У Новотного встречаются возвратные формы глаголов вместо причастной страдательной конструкции, включая чуждые чешскому языку случаи, когда ими выражается собственно страдательное значение:

Jn 6:12 A *když se nasýtíli* — ѿ ѿкв насытишасѧ — P 1804 A *když byli nasyceni* — P 1786 *Když pak byli nasyceni* — греч. Ὡς δὲ ἐνεπλήσθησαν — Vg. *ut autem impleti sunt*

Mk 1:9 a *křtil se*¹¹ od Jana — ѿ кртісѧ ѿ Іωάνна — P 1804 = P 1786 a *pokřtěn jest od Jana* — греч. καὶ ἐβαπτίσθη ὑπὸ Ἰωάννου

2.5. Лексика и фразеология

Влияние церковнославянского языка на текст Новотного весьма заметным образом сказалось на лексике и фразеологии. Примеры:

Jn 12:32 *všecko přivléku k sobě* — всѧ привлекѸ къ себѣ — P 1804 = P 1786 *všecko potáhnu k sobě samému*

Mt 21:34 *aby přijali užitky její* — прійати плоды ѿгѡ — P 1804 *aby vzali užitky její* — P 1786 *aby vzali užitky (ouroky) její*

Jn 14:18 *Neostavím vás sirých* — не ѡставлѡ васъ сѣры — P 1804 *Neopustím vás sirotku* — P 1786 *Nenechám vás sirotku*

Mk 6:41 *vzezřev na nebe* — възрѣвъ на нѣо — P 1804 = P 1786 *popatřiv do nebe*

J 6:48 *Ját jsem chléb životní* — ѿзъ ѣсмь хлѣвъ живѡтнѣй — P 1804 = P 1786 *Ját jsem chléb života*

J 19:40 *jakž obyčej jest Židům pohřbovati* — ѿкоже ѡвѣчай ѣсть ѿдѣемъ погребѧти — P 1804 *jakž obyčej jest Židům se pochovávati* — P 1786 *jakž jest obyčej Židům (s to býti mohoucím) se pochovávati*

Mt 20:30 *že Ježíš mímó jde* — ѿкв ѿнсъ мѣмохѡдитъ — P 1804 = P 1786 *žeby Ježíš tudy šel*

Mt 2:16 *žeby porouhán byl od mudrců* — ѿкв порѡганъ бѣсть ѡ волхвѡвъ — P 1804 = NZ 1786 *žeby oklamán byl od mudrců*

Jn 12:6 *ymetáné nosil* — вметѧемаѧ ношѧше — P 1804 *to což do něho kladeno bylo, nosil* — P 1786 *to, což (do něho) dávano bylo, nosil*

¹¹ В подстрочном примечании Новотный дает другой вариант перевода: *dal se křtíti*.

Jn 11:35 *I zeslezel Ježíš. — Прослезіса Іісць. — P 1804 = P 1786 I zaplakal Ježíš.*

Lk 6:9 *duši spasiti, čili zahubiti — дꙋшꙋ спасти, ѿ ѿгꙋбѣти — P 1804 = P 1786 život zachovati, čili zahubiti*

Mt 11:28 *všickni pracující a obřemenění — всѣ трꙋждающіиса ѿ ѿбремененіи — P 1804 = P 1786 všickni, kteříž pracujete, a obtíženi ste*

Mt 13:35 *odřihnu skryté věci — ѿрѣгну сокровеннаа — P 1804 = P 1786 vypravovatí budu skryté věci — греч. ἐρεῦζομαι κρυπόμενα — Vg. eructabo abscondita*

Lk 8:39 *vypravuj, jeliké věci učinil tobě — повѣдай, ѣлика тѣ сотвори — P 1804 = P 1786 vypravuj, kterak veliké věci učinil tobě*

Jn 19:38 *učedlník Ježíšův, potajný pak — потаенъ же — P 1804 = P 1786 ale tajný*

Mk 9:1 *a přebrazil se — ѿ превразіса — P 1804 = P 1786 a proměnil se*

Jn 8:9 *svědomím obličeni jsouce — совѣстію ѿбличаеми — P 1804 v svědomích svých obvinění souce — P 1786 v svědomích svých obvinění souce*

Mt 23:15 *syna zatracení zahubnějšiho nežli jste sami — сына геѣнны сꙋгꙋбѣйша вась — P 1804 syna zatracení (hodného trestání, zatracení), dvakrát více nežli jste sami — P 1786 syna zatracení, dvakrát více nežli jste sami — греч. υἱὸν γεέννης διπλότερον ὑμῶν — Vg. filium gehennae duplo quam vos*

Вышеприведенные примеры из области лексики демонстрируют разнородность нововведений Ф. Новотного в сравнении с чешской традицией перевода Библии. Нередко речь идет о словах, имеющих общее происхождение с церковнославянскими, которые при этом были общепотребительными в чешском литературном языке начала XIX в. (например, *přivléku — přivléci, aby přijali — přijíti*). В других случаях это слова, встречававшиеся в более ранний период развития чешского языка (например, *porouhati — в современном чешском znevažovat; pohřbovati — в современном чешском pohřbívat*). Лишь изредка можно говорить о бесспорных, легко идентифицируемых лексических заимствованиях из церковнославянского (например, *obličiti*¹² — чешск. *obviniti; přebraziti — чешск. proměnití*). Весьма любопытен последний пример из Мф 23:15 *syna zatracení zahubnějšiho nežli jste sami — сына геѣнны сꙋгꙋбѣйша вась*, где использовано чешское слово с совершенно иным значением, чем его церковнославянское соответствие. Церковнославянское *сꙋгꙋбѣ* значит 'двойной, двоякий, удвоенный', тогда как чешск. *záhubný* имеет значение 'губительный, пагубный', будучи связано с глаголом *hubiti* 'губить'. Между обоими этими прилагательными имеет место лишь звуковое сходство.

¹² С кратким гласным в корне (в старочешском в значении 'свидетельствовать перед судом' был известен глагол *líciti* с долгим *-i-*).

3. Заключение

Итак, на целом ряде примеров мы продемонстрировали, что Ф. Новотный как переводчик испытал довольно сильное влияние церковнославянской Библии, реализовавшееся на различных языковых уровнях. Можно ли на основании приведенных фактов сделать какой-либо общий вывод о характере перевода Новотного, о его взгляде на чешский библейский стиль? Я полагаю, что да.

Постепенно углубляясь в изучение перевода Ф. Новотного из Лужи, я обнаружил, что церковнославянский образец в процессе создания этого чешского текста сыграл весьма значительную роль. Можно даже утверждать, что ориентация текста на церковнославянскую Библию является главной характеристикой переводческого языка Новотного, его специфической трактовки библейского стиля.

Как было сказано в начале статьи, труд Новотного по своей направленности представляет собой интеллектуальный, «учебный» перевод. Это подразумевало прежде всего стремление к максимальной дословности и как можно более точному воспроизведению оригинального текста (латинского или, скорее, греческого) с его конструкциями и даже порядком слов. Не вызывает сомнений, что для достижения этой цели чешский переводчик в ходе своей работы использовал церковнославянский текст, который как раз весьма явственно следовал греческому оригиналу. Таким образом, стремление к дословности и близость к греческому тексту — это первая из возможных причин, почему Новотный обратился к церковнославянской Библии.

Однако была здесь также другая важная, а возможно, и более значимая причина — лингвоэстетическая, или стилистическая. Новотный явно добивался не просто максимального соответствия греческому оригиналу, но и прямого сближения чешского библейского текста с церковнославянским. Это проявилось в целом ряде его переводческих решений (например, в расширенном употреблении творительного падежа, причем даже вопреки греческому тексту, где в соответствующих случаях находим конструкцию с предлогом *διὰ* или *ἐν*, далее, в использовании возвратных форм страдательного залога глаголов и т. п.) Но особенно это заметно в лексике: в тексте Новотного встречается немало примеров, когда им было выбрано чешское слово, созвучное церковнославянскому (в противоположность переводческой традиции, представленной Библиями «ведущей линии»). Курьезной крайностью, которая хорошо отражает это стремление к звуковому сходству с церковнославянским, является упомянутое выше употребление формы сравнительной степени прилагательного *zahubnějšího*, где переводчик ради такого созвучия пожертвовал точностью передачи греческого и латинского оригинала.

По всей вероятности, Новотный считал, что чешскому библейскому языку (в период национального возрождения и позже, в эпоху ожидаемого нового расцвета чешского языка) подобала бы особая торжественность и возвышенность, которая бы могла быть обеспечена путем приближения к старинному славянскому звучанию Библии. В рамках данной статьи нет возможности вдаваться в более детальный анализ и рассуждения, но можно определенно сказать, что к идее сближения с церковнославянской Библией чешский переводчик подходил весьма деликатно и отнюдь не механически. Он не проводит новшества насквозь по всему тексту, в некоторых параллельных чтениях сохраняя и «традиционные» решения (например, причастия на *-(v)ší* встречаются далеко не всюду в соответствии с причастиями в греческом и в церковнославянском тексте¹³; аналогично лишь местами употребляется творительный падеж в новой функции¹⁴ и т. д.). Представляется, что для Ф. Новотного из Лужи все такие элементы играли роль своего рода «стилистических специй», которыми его текст посыпан довольно обильно, но часто почти незаметно. Так, наш переводчик нередко выбирает исконно чешские языковые средства, если они обнаруживают сходство с церковнославянскими; при этом он не прибегает бездумно к каким-либо совершенно искусственным или неуклюжим конструкциям и оборотам.

При рассмотрении перевода Новотного необходимо обратить внимание на тот факт, что церковнославянский, вероятно, являлся для него единственным нечешским источником, используемым в целях обогащения и оживления библейского языка. Во всяком случае на данный момент мне не удалось найти достоверные источники влияния на него иных славянских языков, кроме церковнославянского: я не могу привести ни одного примера, когда то или иное выражение или конструкция имело бы соответствие в другом славянском языке, но не в церковнославянской Библии. Так, хотя теоретически источник упомянутых выше выражений *přeobraziti* или *tímo jíti* можно было бы искать в польских *przeobrazić* и *tímo iść* (последнее встречается даже в наиболее распространенной католической Библии Якуба Вуйка конца XVI в.), тем не менее мы находим их также в церковнославянской Библии, с которой наверняка работал Ф. Новотный.

Попутно хочу подчеркнуть, что церковнославянское влияние на возрождающийся литературный чешский язык представляет собой

¹³ О разнообразных способах передачи Новотным конструкций с причастиями в греческом и церковнославянском тексте см.: [Bartoň 2016: 421].

¹⁴ Примером этого может служить причастная форма страдательного залога с выражением деятеля предложной конструкцией в Мф 10:22 *A budete nenáviděni odevšech* — И будете ненавидими всеми — Р 1804 *A budete v nenávisti téměř všem* — Р 1786 *A budete v nenávisti všem*.

абсолютно уникальный феномен. При этом, насколько мне известно, роль церковнославянского языка в сочинениях представителей чешского возрождения до сих пор вообще не освещалась в научной литературе.

В завершение замечу, что стремление Новотного к довольно радикальному изменению облика библейского текста само по себе удивительно — и уже ввиду одного этого заслуживает внимания исследователей. Именно библейский текст и библейский язык, в отличие от языка развивающейся художественной и специальной литературы, которая настоятельно требовала пополнения запаса синонимов и создания терминологии, казалось бы, в подобных изменениях не нуждался. Тем более что язык классической Кралицкой Библии, на которую опирались и католические обработки Франтишека Фаустина Прохазки, признавался в начале процесса национального возрождения образцом качественного чешского языка. Открытие уникального эксперимента Новотного, который я в настоящей статье попытался представить и хотя бы в какой-то степени проанализировать, да послужит нам, богемистам, славистам и библеистам, стимулом к более подробному изучению библейских переводческих опытов XIX в.

Франтишек Новотный из Лужи, как следует из его переписки, собирался опубликовать также вторую часть Нового Завета в своем переводе. В этом ему помешал недостаток материальных средств¹⁵, а затем и преждевременная смерть (он скоропостижно скончался в 1826 г. в возрасте 58 лет). Оставшееся после него имущество после его смерти пропало; эта же участь, вероятно, постигла и перевод Апостола, заверченный или оставшийся в набросках [Bartoň 2014: 186–187]. Как уже говорилось выше, в течение последующих десятилетий был забыт и опубликованный им перевод Четвероевангелия. Даже само имя Новотного в позднейших (вплоть до сего дня) историко-литературных публикациях о начальном периоде чешского национального возрождения упоминается лишь в редких случаях.

По всей видимости, примечательная попытка Франтишека Новотного из Лужи «освежить» чешский библейский стиль с опорой на церковнославянский текст была скорее начинанием одиночки и в свое время не получила прямого продолжения. Тем не менее существовали как минимум два более поздних новозаветных перевода (находившиеся также за пределами «ведущей линии» чешской библейской традиции), создатели которых также обращались к церковнославянскому тексту, хотя в несравненно меньшей мере, чем Новотный. Первым из них был

---

¹⁵ О своем намерении издать вторую часть Нового Завета и о финансовых затруднениях Новотный сообщал Й. Добровскому в январе 1814 г. (текст письма см. в [Jeníček 1936: 51]).

перевод известного моравского католического священника и богослова, собирателя фольклора и пропагандиста всеславянской кирилло-мефодиевской идеи Франтишека Сушила (1804–1868), опубликованный в восьми томах, которые выходили с 1864 по 1872 г. (часть томов вышла уже после смерти автора)¹⁶. Вторым является новозаветный текст, который по сей день используют чешские православные христиане. Его подготовил и издал параллельно с церковнославянским текстом православный священник Николай Петрович Апраксин (1847–1907), выпускник Петербургской духовной академии, на протяжении ряда лет работавший в Праге и в Западной Чехии. Его Новый Завет вышел в двух томах в Петербурге в 1892 и 1897 гг.¹⁷ На вопрос, можно ли говорить о каких-либо следах влияния Евангелия Ф. Новотного в этих двух текстах (а следовательно, и о каком-либо продолжении его дела и представлений о чешском библейском языке), я пока не готов ответить. Во всяком случае, это было бы целесообразно проверить путем подробного сопоставления названных текстов¹⁸.

Библиография

Источники

Елизаветинская Библия 1751

Библия сиречь книги Священного писания Ветхого и Нового Завета [, 1-е изд.], С.-Петербург, Типография Александро-Невского монастыря, 1751.

Griesbach 1777

Novum Testamentum Graece, Textum ad fidem codicum, versionum et Patrum emendavit et lectionis varietatem adiecit Ioannes Iacobus GRIESBACH. Volumen I. Evangelia et Acta apostolorum complectens, Halaе, Ioannes Iacobus Curtius, 1777.

Novotný 1810/1811

Písma svatého Nové umluvy Evanjelium aneb Blažené zvěstování od svatého Matouše [, Marka, Lukáše, Jana], Přeložil a variantes lectiones textus Graeci, aneb řeckého textu rozličné čtení způsoby veskrz přiložil František NOVOTNÝ z LUŽE, Praha – Mladá Boleslav, František Jeřábek, 1810–1811.

Procházka 1786

Písmo svaté Nového Zákona podlé Českého přeložení [, etc.], Praha, Elsenwanger, 1804.

¹⁶ Насколько мне известно, на сегодняшний день отсутствует какая-либо публикация, в которой бы подробно анализировался язык новозаветного перевода Сушила.

¹⁷ Совсем недавно вышла статья [Вернер 2018], исследующая язык Нового Завета Апраксина прежде всего с точки зрения церковнославянского влияния на чешский текст.

¹⁸ Франтишек Сушил имел в своей библиотеке Четвероевангелие Новотного; эта книга сохранилась в библиотеке монастыря миноритов в г. Брно. Что касается Нового Завета Апраксина, И. В. Вернер констатирует наличие некоторых методологических и системных соответствий с трудом Новотного, но о прямых текстовых влияниях не говорит (следует полагать, сравнение этих текстов она не проводила) [Вернер 2018: 118].

Procházka 1804

Bibli Česká, to jest celé Svaté Písmo starého i nového Zákona [, etc.], Praha, Cís.-král. normální škola, 1804.

Vulgata 1983

Biblia Sacra iuxta vulgatum versionem, Edd. Robertus Weber Bonifatius Fischer. Editio tertia emendata, Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 1983.

Литература

Вернер 2018

Вернер И. В., «Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг.», in: *Славяноведение*, 2, 2018, 94–109.

Лилич 1962

Лилич Г. А., «К вопросу о взаимодействии чешского и русского литературных языков», in: *Ученые записки Ленинградского университета*, 316, 64, 1962, 34–42.

——— 1973

Лилич Г. А., «Русский язык как язык-посредник для чешских переводов начала XIX в.», in: *Славянское языкознание: VII международный съезд славистов*, Москва, 1973, 484–499.

——— 2016

Лилич Г. А., *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX в.)*, С.-Петербург – Грайфсвальд – Гейдельберг, 2016.

Bartoň 2010

Bartoň J., “Století moderního českého biblického překladu (1909–2009)”, in: *Listy filologické / Folia philologica*, 133, 1–2, 2010, 53–77.

——— 2014

Bartoň J., “Zapomenutý překlad pozapomenutého obrození: české čtveroevangelium Františka Novotného z Luže”, in: *Clavibus unitis*, 3, 2014, 183–195.

——— 2016

Bartoň J., “Adjektiva na -(v)ší v evangelním překladu Františka Novotného z Luže a jejich církevněslovanská inspirace”, in: *Listy filologické / Folia philologica*, 129, 3–4, 2016, 395–428.

Grepl 1974

Grepl M., “K jazyku obrozených překladů z ruštiny a polštiny”, in: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*, Praha, 1974, 169–179.

Jeníček 1936

Jeníček V. V., *Národní buditel Fr. Novotný z Luže, historik a linguista český (1768–1826)*, Košumberk, 1936.

Ježek 1880

Ježek J., *Zásluhy duchovenstva o řeč a literaturu českou: od r. 1780–1880*, Praha, 1880.

Novotný 1810

Novotný z Luže F., *Biblioteka českých biblí od třináctého věku až do léta 1810* [s. l., s. n., 1810].

Vraštil 1926

Vraštil J., “České překlady biblické”, in: *Český slovník bohovědný*, III, Podlaha A., ed., Praha, 1926, 334–341.

References

- Bartoň J., "A Century of the Modern Czech Biblical Translation (1909–2009)", in: *Listy filologické / Folia philologica*, 133, 1–2, 2010, 53–77.
- Bartoň J., "Forgotten translation of a semi-forgotten Czech national revivalist: Czech set of four Gospels by František Novotný z Luže", in: *Clavibus unitis*, 3, 2014, 183–195.
- Bartoň J., "Adjectives Ending in -(v)ší in the Gospel Translation by František Novotný of Luže and Their Church Slavonic Inspiration", in: *Folia philologica*, 129, 3–4, 2016, 395–428.
- Grepl M., "K jazyku obrozených překladů z ruštiny a polštiny", in: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*, Praha, 1974, 169–179.
- Jeníček V. V., *Národní buditel Fr. Novotný z Luže, historik a linguista český (1768–1826)*, Košumberk, 1936.
- Lilich G. A., "K voprosu o vzaimodeistvii cheshskogo i russkogo literaturnykh iazykov", in: *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*, 316, 64, 1962, 34–42.
- Lilich G. A., "Russkii iazyk kak iazyk-posrednik dlia cheshskikh perevodov nachala XIX veka", in: *Slavianskoe iazykoznanie: VII mezhdunarodnyi s"ezd slavistov*, Moscow, 1973, 484–499.
- Lilich G. A., *Roľ' russkogo iazyka v razvitii slovarnogo sostava cheshskogo literaturnogo iazyka (konet XVIII – nachalo XIX veka)*, St. Petersburg – Greifswald – Heidelberg, 2016.
- Verner I. V., "The Czech Bible on the history of Russian culture and writing, and vice versa: Nikolai Apraksin's Czech-Church-Slavonic New Testament in 1892–1897", in: *Slavyanovedenie*, 2, 2018, 94–109.
- Vraštil J., "České překlady biblické", in: *Český slovník bohovědný*, 3, Podlaha A., ed., Praha, 1926, 334–341.

---

doc. PhDr. **Josef Bartoň**, Th.D.
 Karlova univerzita,
 Katolická teologická fakulta,
 docent Katedry biblických věd a starých jazyků
 160 00 Praha
 Thákurova 3
 Česká republika
 barton@ktf.cuni.cz

Received September 24, 2018